

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2021), 188–210
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2021), 188–210
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-188–210

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СТЕЛЕ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА НИЖНЯЯ СООРУ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

А.Н. Мухарева¹, Е.А. Миклашевич², Н.Н. Серёгин³ *

¹Кемеровский государственный университет;
Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия
mukhareva@mail.ru

²Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово;
Институт археологии РАН, Москва, Россия
elena-miklashevich@yandex.ru

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
nikolay-seregin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации изображений на фрагменте стелы, входившей в состав погребально-поминального комплекса Нижняя Соору (Центральный Алтай). Объект был обнаружен в 1981 г. отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского университета под руководством А.С. Васютина при раскопках тюркских оградок. Фрагмент с рисунками и другие находки поступили в фонды музея кафедры археологии Кемеровского государственного университета. В тот период интерпретация изображений на стеле осложнялась техническими трудностями копирования тонких переплетающихся резных линий, покрывающих всю поверхность небольшого фрагмента. По этой же причине объект оставался неопубликованным. В статье описывается современная методика документирования гравированных наскальных рисунков, в результате применения которой была создана цифровая многослойная графическая копия (прорисовка) фрагмента стелы. Изучение выбитых и гравированных фигур позволило установить последовательность их нанесения. Первоначально на стелу техникой выбивки было нанесено изображение лица (от него сохранились усы и рот) в стилистике тюркских изваяний, и она была установлена в оградку. Анализ конструктивных характеристик сооружений, а также немногочисленных предметов инвентаря, зафиксированных в ходе раскопок, позволяет отнести оградки комплекса Нижняя Соору к кудыргинскому этапу культуры раннесредневековых тюрков (вторая половина VI – первая половина VII в. н.э.), соответственно, этим же временем датируется первоначальное изображение на стеле. Далее она использовалась уже просто как каменная поверхность, удобная для нанесения изображений. В ту же тюркскую эпоху на

Данные об авторах: Мухарева Анна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Кемеровского государственного университета; старший научный сотрудник Кузбасского музея-заповедника «Томская Писаница»; Миклашевич Елена Александровна – научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии РАН; старший научный сотрудник Кузбасского музея-заповедника «Томская Писаница»; Серёгин Николай Николаевич – доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

ней были выгравированы в характерном стиле изображения лучника, животных и стрел, частично перекрывающие друг друга. Предположительно в эпоху позднего средневековья – нового времени поверх потемневших тюркских гравировок были нанесены более простые рисунки животных, повторены изображения стрел и процарапаны беспорядочные линии. Затем стела была либо намеренно разбита, либо разрушилась по естественным причинам. Ко времени раскопок фрагменты задержались, и найдено было только два из них. В статье публикуются материалы экспедиции А.С. Васютина 1981 г., современные фотографии и прорисовки объекта, а также аналогии выявленным на стеле изображениям.

Ключевые слова: Нижняя Соору, Алтай, раннее средневековье, тюрки, оградка, стела, петроглифы, гравировки.

Основной группой археологических памятников, отражающих сложные историко-культурные явления, происходившие на территории Центральной Азии в раннетюркское время, являются «поминальные» комплексы – оградки, изваяния, балбалы и другие сооружения. Как показывают результаты раскопок в разных частях обозначенного региона, именно такие объекты оказываются наиболее информативными для реконструкции процессов формирования и разноплановой трансформации общности тюрков. Особое внимание при этом закономерно привлекают комплексы, демонстрирующие редкие черты обрядовой практики. Целый ряд таких неординарных памятников исследован на территории Алтая в 1980-е гг. участниками отдельного отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А.С. Васютина¹. По разным причинам полученные материалы были опубликованы автором раскопок лишь частично. В последние годы эти данные последовательно вводятся в научный оборот². Одним из объектов, обнаруженных в 1980-е гг. А.С. Васютиным и заслуживающих детального рассмотрения в рамках специальной статьи, является стела из урочища Нижняя Соору в Центральном Алтае. Помимо ее специальной публикации большое значение имеет интерпретация оградок, в составе которых стела находилась изначально, в контексте имеющихся сведений о памятниках раннесредневековых тюрков Алтая и сопредельных территорий.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАХОДКИ, ПЕРВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Погребально-поминальный комплекс Нижняя Соору расположен в одноименном урочище на правом берегу р. Каракол в 3 км к югу-юго-востоку от с. Кулада Онгудайского района Республики Алтай (рис. 1; 2, 1). Площадка, на которой расположен комплекс, представляет собой небольшую узкую долину, разрезаемую в центре высохшим руслом р. Нижняя Соору и окаймленную с юга и севера горными грядками. Археологические объекты в данной местности располагаются несколькими группами-цепочками, ориентированными в широтном и меридиональном направлениях. Комплекс состоит из более 170 курганов различных размеров, около 20 оградок, а также нескольких кольцевых выкладок и одиночных стел (рис. 2, 2).

¹ Васютин 1980, 1981а, 1981б, 1983а, 1983б.

² Васютин 2009; Серегин, Васютин 2019, 2020.

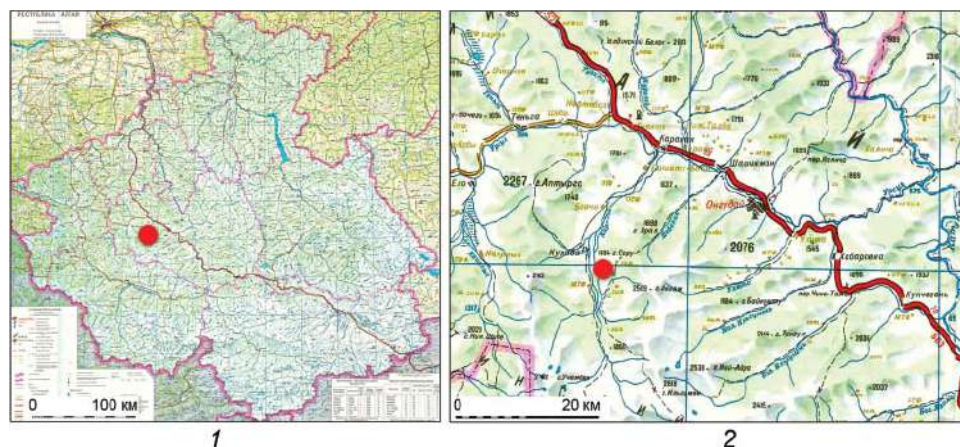

Рис. 1. Урочище Нижняя Соору на карте Республики Алтай
Fig. 1. The Nizhnyaya Sooru location on the map of the Republic of Altai

В 1981 г. отрядом под руководством А.С. Васютина на памятнике Нижняя Соору раскопана серия оградок³. Помимо единичных находок, в ходе работ выявлены петроглифы, нанесенные выбивкой и гравировкой на сланцевые плиты. Две плиты были обнаружены севернее оградки В-3 (1,3×1,6 м). Они лежали на уровне погребенной почвы в 0,22–0,24 м от основания разрушенной стелы (0,09×0,42×0,4 м), выявленной в 0,54 м от восточной стенки данной оградки (рис. 3). Плиты были зафиксированы при расчистке дернового слоя уже в 1980 г.; тогда же выяснилось, что они совмещаются по линии разлома как между собой, так и с основанием стелы, разрушенной еще в древности⁴. Судя по краткому упоминанию в одном из отчетов, гравированные рисунки также имелись на основании стелы⁵, однако тогда их описания, в отличие от фигур на расчищенных плитах, выполнено не было. Когда же памятник повторно обследовался одним из авторов статьи (Н.Н. Серегиним) в 2019 г., вновь обнаружить основание стелы с гравировками не удалось.

Еще две плиты были зафиксированы во время расчистки оградок Ж-1 и Ж-2. Одна из плит с гравированным рисунком находилась на уровне материка в южном углу оградки Ж-1, другая – с гравированным изображением лошади (рис. 4) – была обнаружена⁶ при расчистке плит вымостки в северном углу оградки Ж-2.

Две стыкующиеся плиты, являвшиеся фрагментами стелы, были привезены А.С. Васютиным в Кемерово и наряду с другими предметами, найденными при раскопках Нижней Соору, переданы в фонды музея кафедры археологии Кемеровского государственного университета⁷. Однако две другие плиты из оградок Ж-1 и Ж-2 по неизвестным причинам в эту коллекцию не вошли, и их судьба нам не известна. Фрагменты стелы сразу же стали экспонатом раздела по наскальному искусству, и позже были склеены между собой (рис. 5).

³ Васютин 1981а; 2009, 89–90, рис. 3–5; Серегин, Васютин 2020.

⁴ Васютин 2009, 90.

⁵ Васютин 1981а, 5.

⁶ Васютин 1983а, 172.

⁷ Акт передачи № 6 от 26.01.1983.

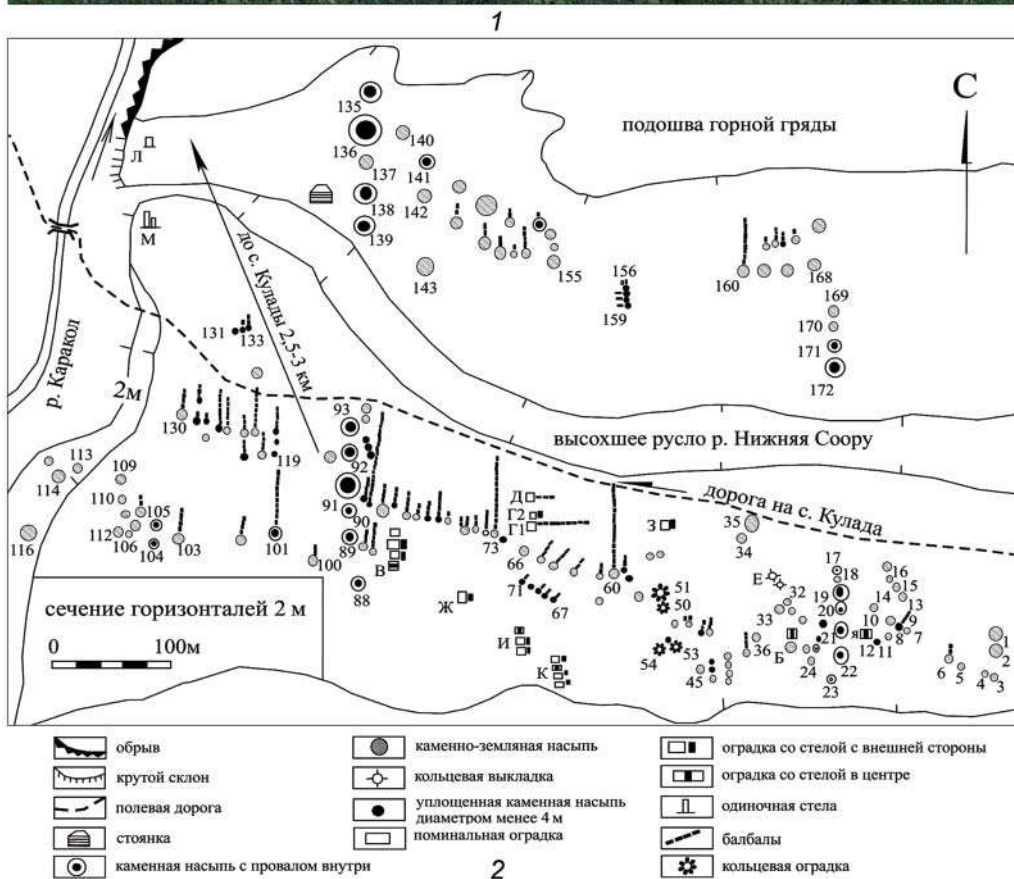

Рис. 2. Комплекс памятников в урочище Нижняя Соору: 1 – расположение на местности (космоснимок); 2 – план (по: Васютин 2009)

Fig. 2. The complex of monuments in the Nizhnaya Sooru: 1 – localization (satellite image); 2 – a scheme (after: Vasyutin 2009)

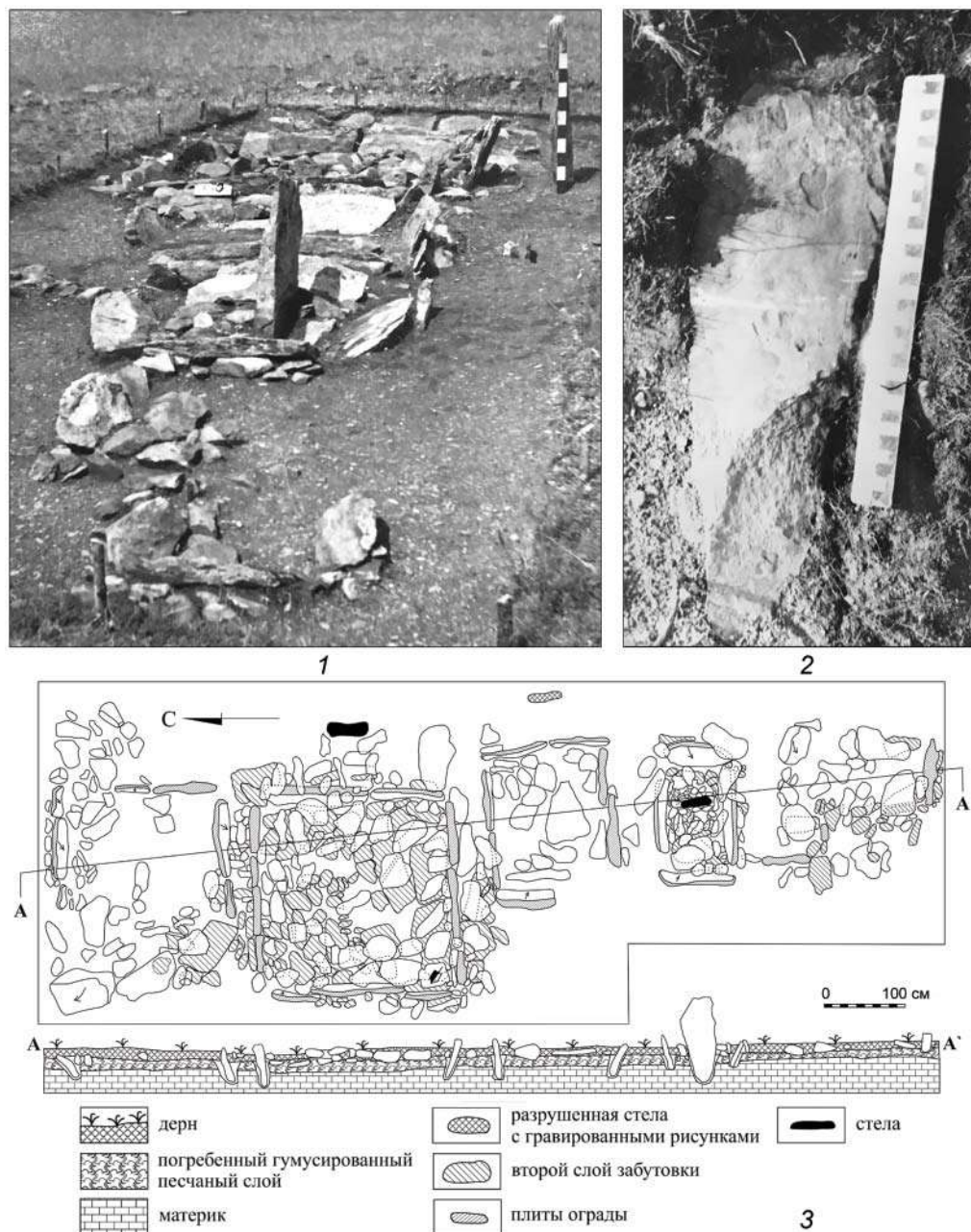

Рис. 3. Нижняя Соору: 1 – оградки В-1–5 после выборки первого слоя заполнения, вид с ЮЮЗ; 2 – одна из плиток с рисунками, выявленная в процессе расчистки дерна; 3 – план оградок В-1–5 (по: Васютин 1981, 2009).

Fig. 3. Nizhnaya Sooru: 1 – the enclosures B-1–5 after excavation of the first layer, a view from the SSW; 2 – one of the decorated slabs, revealed during turf removing; 3 – a scheme of the enclosures B-1–5 (after: Vasyutin 1981; 2009)

1

2

Рис. 4. Нижняя Соору: 1 – оградки Ж-1 и Ж-2, вид с юга; в центре оградки Ж-2 (на переднем плане) – плита с рисунками; 2 – гравированное изображение на плите из оградки Ж-2. Фото А.С. Васютина (по: Васютин 1983)

Fig. 4. Nizhnyaya Sooru: 1 – enclosures G-1 and G-2, view from the south; in the centre of enclosure G-2 (in the foreground) lays a slab with engravings; 2 – engraved image on the slab from the enclosure G-2. Photo: A.S. Vasyutin (after: Vasyutin 1983)

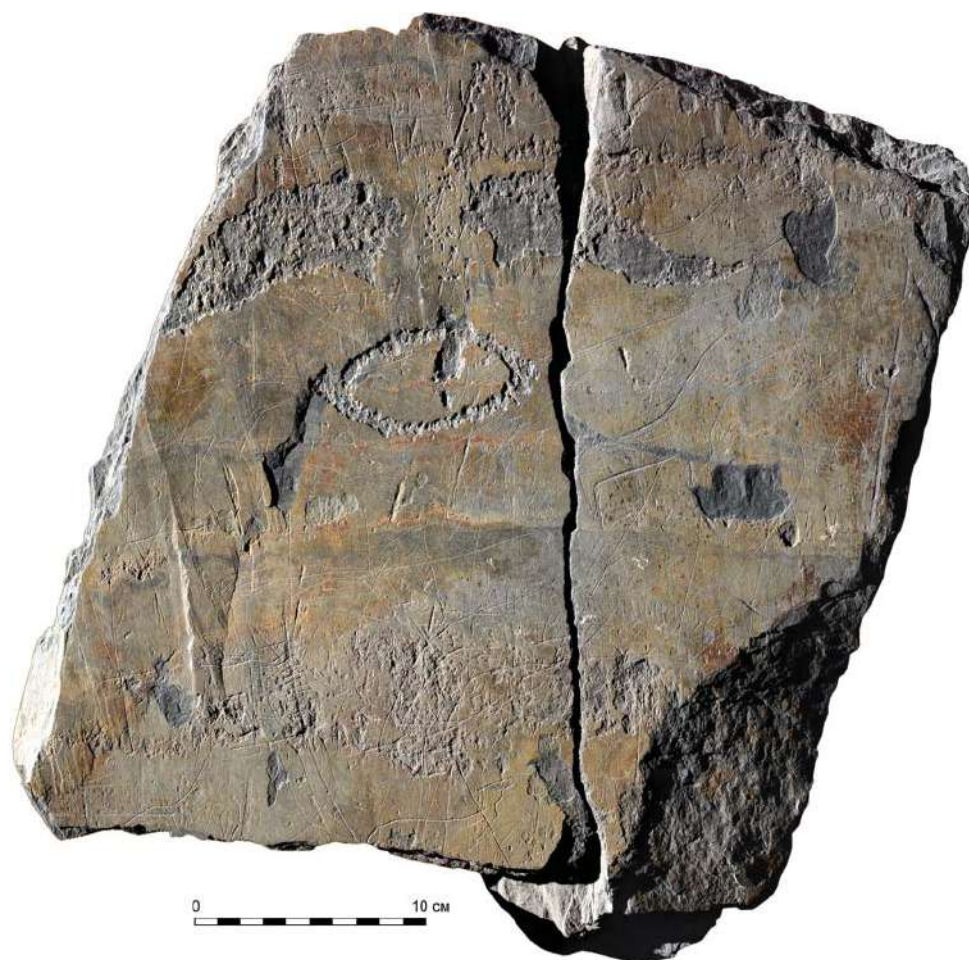

Рис. 5. Плита из Нижней Соору (фонды музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, КМАЭЭ ОФ 488). Фото А.Н. Мухаревой, 2019 г.

Fig. 5. The slab from Nizhnyaya Sooru (the storage of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia", Kemerovo State University, 488). Photo: A.N. Mukhareva, 2019

Подробный анализ фигур, наиболее различных среди многослойных палимпсестов на фрагменте стелы, автором раскопок был предпринят дважды. Наиболее полно он представлен на страницах отчета, где характеризуются как выбитые, так и резные изображения⁸. При этом выбитым рисункам, которые трактуются как «две противостоящих фигурки животных (?)» и «неизвестный предмет овальной формы»⁹, уделено лишь несколько строк. Повторно, но уже без упоминания о выбитых изображениях, анализ гравированных фигур был включен в диссертационное исследование А.С. Васютина. Были приведены разнообразные аналогии персонажам со стелы, предложена их атрибуция тюркской эпохой (она

⁸ Васютин 1980, 12–15.

⁹ Васютин 1980, 12.

увязывалась с датировкой найденных в оградках наконечников стрел и аналогиями в наскальном искусстве), затронуты вопросы иконографии и семантики изображений; «многослойность» рисунков на стеле из Нижней Соору сопоставлена с «многослойной структурой заполнения оградок» комплекса и «разным уровнем залегания находок в них»¹⁰.

К сожалению, изображения со стелы из Нижней Соору так и остались на страницах рукописей А.С. Васютина, а копия всей композиции не попала даже в рукописи. Несколько лет спустя опубликована была лишь фигура лучника, анализ которой представлен в контексте публикации новых находок предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая¹¹. Между тем, этот объект представляет значительный научный интерес в разных аспектах, в том числе, благодаря наличию не только гравированных изображений лучника и животных, но и выбитых элементов. Несомненной является актуальность нового документирования с использованием современных технологий и публикация всей сохранившейся композиции.

МЕТОДЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ

В 1980-х гг. А.С. Васютиным и Е.А. Миклашевич неоднократно предпринимались попытки выполнить документирование изображений на плите из Нижней Соору в условиях музейного хранения. В тот период единственным способом сделать копию с тонких гравированных рисунков было переводение линий непосредственно с объекта на приложенный к нему прозрачный материал (целлофан, полиэтилен), затем «перебеливание» копии тушью на ватман через светостол и последующее фотографирование чистовой прорисовки. С самого начала были очевидны ограничения этого метода при копировании столь сложного объекта. Множество резных линий разной толщины, в том числе тончайших, переплетающихся и пересекающихся друг друга, миниатюрные детали изображений (рис. 6), – все это было невозможно адекватно воспроизвести на не совсем прозрачном и не плотно прилегающем полиэтилене ни шариковыми ручками, ни пером и тушью, ни фломастерами. Делались попытки «проявления» линий на камне с помощью тонкой кисти и белой гуаши. Это сделало рисунки на стеле лучше воспринимаемыми посетителями музея, но не помогло в документировании. Осознание того, что копия не получается полной, и помешало в тот период публикации этого интереснейшего объекта. Не стоит забывать также о том, что даже та прорисовка, которую удавалось получить, не могла быть приемлемо опубликована, учитывая полиграфические возможности того времени.

В новом тысячелетии в арсенале исследователей наскального искусства появились новые методы и технологии документирования, в том числе такие, которые позволили осуществлять выявление и фиксацию тончайших и миниатюрных резных изображений, даже тех, которые почти не видны на поверхности скалы невооруженным глазом¹². Методика эта основывается на цифровой фотографии и последующей обработке фотоматериала в графических редакторах: съемка осу-

¹⁰ Васютин 1983б, 63–66, 92.

¹¹ Васютин и др. 1987.

¹² См., например: Черемисин 2011; Миклашевич 2013; Миклашевич, Бове 2014; Мухарева 2017.

ществляется с использованием профессиональной фотоаппаратуры, макрообъективов, контроля направленности освещения и т.д.; из полученных кадров составляются фотоизображения-монтажи, имеющие высокое разрешение, позволяющее увеличивать изобразительную поверхность на экране компьютера в несколько раз по сравнению с ее реальными размерами; по этим монтажам отдельными слоями детализированно прорисовываются изображения, особенности скального субстрата, повреждения и т.п. С использованием этой методики А.Н. Мухаревой в 2021 г. осуществлено новое документирование стелы из Нижней Соору: итоговая прорисовка представлена на рис. 7. Отметим, что преимущества такой прорисовки для исследовательских целей в полной мере проявляются лишь в цифровом формате; в традиционной же печатной форме неизбежно сведение слоев и уменьшение масштаба с потерей детализации.

ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА, ТЕХНИКА И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ НАНЕСЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Размер фрагмента стелы из урочища Нижняя Соору (КМАЭЭ ОФ 488), состоящего из двух совмещенных и склеенных плиток, составляет 0,32×0,34 м. Рисунки заполняют всю его поверхность, многократно наслаиваясь друг на друга и образуя сложный палимпсест. Края многих изображений «уходят» в скол. Наряду с упоминанием А.С. Васютина о гравировках на основании стелы, данное обстоятельство позволяет предположить, что когда-то рисунки заполняли всю ее поверхность. Стела была разрушена: намеренно или по естественным причинам – неизвестно, однако очевидно, что произошло как вертикальное отслоение ее фронтальной части (по трещинам слоистости параллельно наружной поверхности), так и сломы в горизонтально-диагональном направлении (перпендикулярно расположению слоев сланца). Фрагменты повреждены по краям, также по всей поверхности имеются утраты скальной корки, незначительные по площади, но нарушающие целостность рисунков.

В отдельных случаях удалось проследить последовательность нанесения перекрывающих друг друга изображений. Установлено, что первыми появились выбитые фигуры: нам представляется, что это нижняя часть человеческого лица – изображение рта и усов, показанных в типичной для некоторых тюркских изваяний иконографии. Они выполнены довольно частой выбивкой средней величины и глубины, прослеживаются отдельные выбоины нерегулярной формы. Подобный скальный субстрат – очень характерный для долины Каракола сланец – идеально подходит для нанесения гравировок, но выбивку на нем сделать трудно, а рельефную обработку – еще труднее. Поэтому выполненные из такого камня тюркские изваяния встречаются, и даже не так уж редко, но чаще всего не содержат большого количества деталей и имеют плохую сохранность. При нанесении ударов пикетажа на таком сланце не столько остаются ямки-выбоины, сколько утрачивается поверхностная скальная корка в виде сколов, имеющих очертания намеченной фигуры или выходящих за их пределы. На фрагменте стелы из Нижней Соору эта особенность хорошо видна: эллипс рта очерчен хорошо выраженными выбоинами; левый ус образован выбоинами и сколами от них; правый же ус почти полностью представляет собой скол, а выбоины сохранились только в верхней

1

2

Рис. 6. Увеличенные фрагменты плиты с гравированными изображениями
Fig. 6. Enlarged fragments of a slab with engraved images

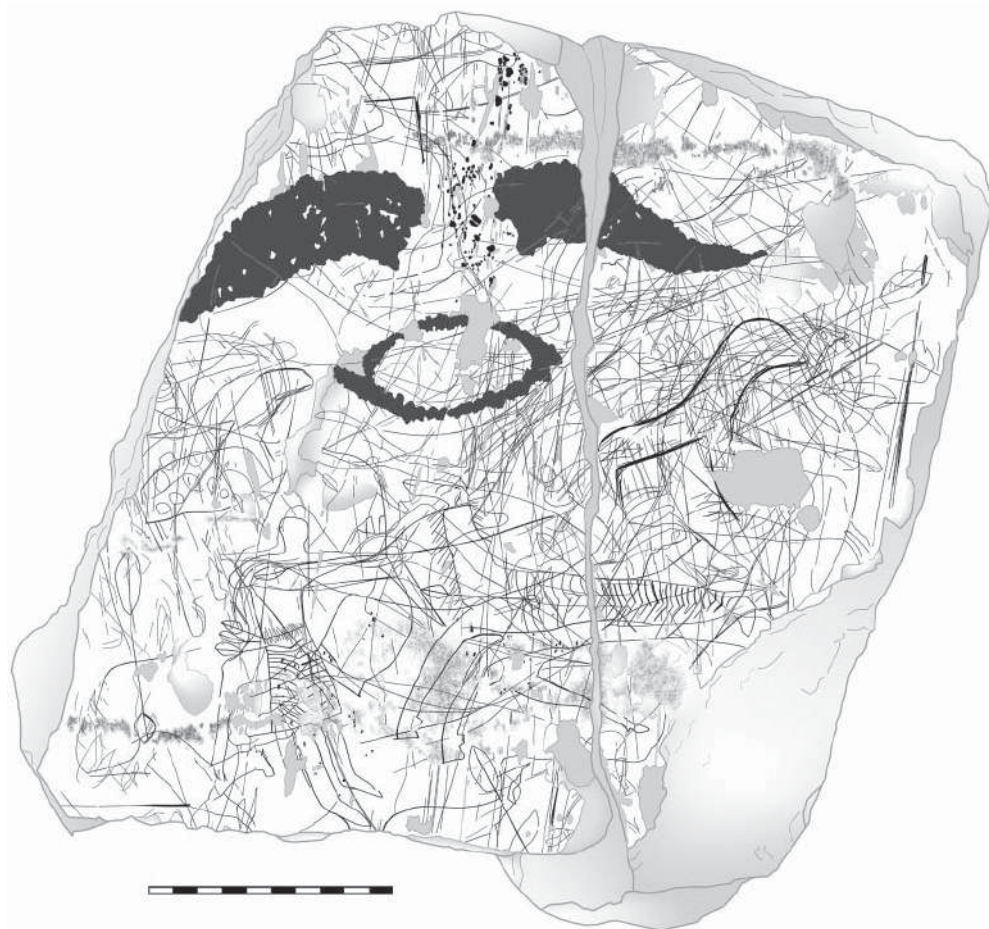

Рис. 7. Изображения на плите из Нижней Соору. Прорисовка А.Н. Мухаревой, 2021 г.
 Fig. 7. Images on a slab from Nizhnyaya Sooru. Tracing: A.N. Mukhareva, 2021.

части и по периметру. Отдельные редкие мелкие выбоины прослеживаются также между усов. Кроме того, можно отметить еще линии над усами и в самой нижней части стелы, которые образованы сериями небольших поверхностных отслоений, в некоторых местах напоминающих следы слабых ударов. Однако определить естественный или искусственный характер носят эти отслоения, нам не удалось. Заметим, что некоторые гравированные линии пересекают не только выбитые изображения, но и эти отслоения (рис. 6, 1).

На следующих этапах изображения на стеле выполнялись в технике гравировки, резными линиями разной толщины и глубины. Первыми были нанесены ориентированные влево фигуры копытных, у которых обозначены все четыре ноги и имеются элементы штриховки на шее и корпусе (рис. 8, 1, 2). Потом добавились четыре фигуры копытных в позе «летающего» галопа, ориентированные вправо (рис. 8, 3–6). Эти обе группы перекрываются изображениями лучника и

стрел. Все указанные гравированные рисунки объединяет прием штриховки. Он использован при орнаментировании шей копытных, заполнении корпуса одного из животных, а также нижней части доспеха (или одежды) лучника. По мнению многих исследователей, такой прием является широко распространенным и даже традиционным для тюрок¹³ и, как было отмечено А.С. Васютиным, может выступать в качестве иконографической особенности рисунков древнетюркского времени¹⁴. В самую последнюю очередь были нанесены схематичные фигуры животных (рис. 8, 7, 8), контур одного из которых был прорезан неоднократно (рис. 6, 2).

Кроме того, имеется значительное количество линий, которые не складываются в фигуры, и последовательность нанесения которых установить не удалось. Есть также цельные и парциальные фигуры животных с невыраженными стилистическими признаками, на основании которых отнести их к выделенным группам изображений затруднительно.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ И АНАЛОГИИ

Материалы раскопок оградок комплекса Нижняя Соору демонстрируют общие характеристики традиций «поминальной» обрядности раннесредневековых тюрок. Подквадратные рядом стоящие сооружения, подобные большинству объектов, исследованных на рассматриваемом памятнике, представляют собой одну из наиболее распространенных групп «поминальных» комплексов. Судя по имеющимся материалам, такие объекты возводились на всех этапах существования культуры кочевников во второй половине I тыс. н.э.¹⁵ Отметим расположение части оградок к востоку от цепочек курганов скифо-сакского времени – вариант планиграфии, наиболее характерный для «классических» погребальных комплексов тюрок Алтая. Следует обратить внимание на то, что оградки памятника Нижняя Соору характеризуются отсутствием как ранних (небольшие каменные ящички, захоронения лошадей, нетипичная ориентировка балбалов и др.), так и более поздних (реалистичные каменные изваяния) характерных признаков тюркских «поминальных» комплексов.

Для определения хронологии оградок, исследованных в урочище Нижняя Соору, имеет значение анализ единичных находок, выявленных в ходе раскопок. В оградках В-2 и Г-1 обнаружены железные наконечники стрел. Они относятся к типу черешковых трехлопастных с четырехугольной «срезанной» формой пера и кольцевым упором. Подобные изделия зафиксированы в нескольких раннетюркских комплексах Алтая, датирующихся в рамках второй половины V – первой половины VII в. н.э.¹⁶

Учитывая обозначенные характеристики «поминальных» объектов, по крайней мере часть раскопанных оградок комплекса Нижняя Соору можно отнести к кудыргинскому этапу культуры раннесредневековых тюрок и датировать в рамках второй половины VI – первой половины VII в. н.э. Следовательно, к этому же времени относится и «первичное» изображение (рот и усы, выполненные выбивкой) на стеле.

¹³ См., например: Окладников 1968, 106, 107; Дэвлет, Терехов 1973, 30, 32.

¹⁴ Васютин и др. 1987, 108.

¹⁵ Матренин, Сарафанов 2006, 209; Серегин, Шелепова 2015, 68.

¹⁶ Кирюшин и др. 1998, рис. 8, 10; Тишкин, Горбунов 2003, рис. 2, 1; 2005, рис. 25, 1, 31, 4.

Рис. 8. Выборочная прорисовка фигуративных изображений
Fig. 8. Tracings of some figures

Рассмотрим подробнее это изображение. Как уже говорилось, автором находки выбитые элементы были восприняты сначала как «две противостоящих фигурки животных (?)» и «неизвестный предмет овальной формы»¹⁷. В процессе дальнейшей работы с объектом пришло понимание, что это изображение рта и усов, сохранившийся фрагмент человеческого лица, выполненный в иконографии, присущей многим древнетюркским изваяниям и стелам (рис. 9, 1–7). Видимо, на других фрагментах были изображения носа, глаз и бровей; возможно, и другие детали. А вот изображения туловища, рук и прочих характерных для полных изваяний атрибутов, скорее всего не было, судя по тому, что А.С. Васютин, видевший основание стелы, с которым состыковывались найденные фрагменты, упоминал лишь гравировки на нем, но не выбивки.

¹⁷ Васютин 1981a, 12.

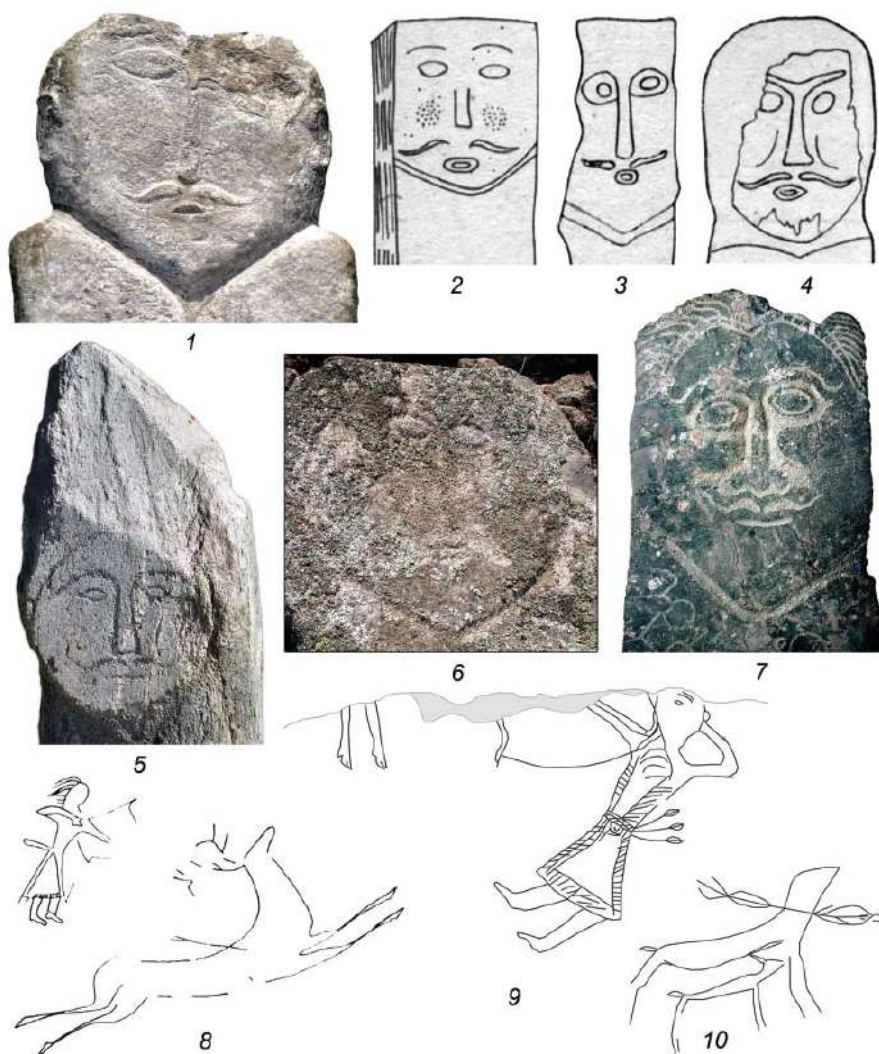

Рис. 9. Аналогии выбитым и гравированным изображениям на плите из Нижней Соору: по способу показа усов и рта (1–4); по способу показа усов и технике исполнения лица выбивкой (5–7); по стилю и сюжетам (8–10). 1 – Шиверта; 2 – Ян-Улаган; 3 – Джанысколь; 4 – Юстыд; 5 – Теньга; 6 – Яломан VII; 7 – Когалы; 8 – Улаган, рисунки на стеле; 9 – плитка из долины Каракола, Бийский музей; 10 – Бичикту-Бом, петроглифы. 1–6, 8–10 – Алтай; 7 – Казахстан; 1, 5 – фото В.Д. Кубарева; 2, 4, 8 – по: Кубарев 1984; 6 – фото А.А. Тишкина; 7 – по: Рогожинский 2010; 9, 10 – прорисовки Е.А. Миклашевич

Fig. 9. Analogies to the pecked and engraved images from the Nizhnyaya Sooru slab: the way of rendering mustache and the mouth (1–4); the way of rendering mustache and the technique of pecking the face (5–7); the style and subject matter (8–10). 1 – Shiverta; 2 – Yan-Ulagan; 3 – Dzhanyskol; 4 – Yustyd; 5 – Tenga; 6 – Yaloman VII; 7 – Kogaly; 8 – Ulagan, engravings on a stele; 9 – a slab from the Karakol valley, Biysk museum; 10 – Bichiktu-Bom petroglyphs; 1–6, 8–10 – Altai; 7 – Kazakhstan; 1, 5 – photo: V.D. Kubarev; 2, 4, 8 – after: Kubarev 1984; 6 – photo: A. A. Tishkin; 7 – after: Rogozhinsky 2010; 9, 10 – tracings: E.A. Miklashevich

Таким образом, стелу из Нижней Соору вероятнее всего можно отнести к четвертому типу изваяний по классификации В.Д. Кубарева – «с изображением только лица или силуэта головы человека», когда «особо тщательно выполнено лицо и увеличена или равна туловищу голова»¹⁸. Этот тип характерен не только для Алтая, он выделяется исследователями и в других регионах¹⁹. В отличие от детализированных изваяний, на которых имеются изображения реалий, поддающихся датировке, изваяния только с лицом не могут быть датированы сами по себе. Простота и схематичность изваяний и стел этого типа побуждала исследователей предполагать их либо наиболее поздний возраст по сравнению с детализированными полными фигурами, либо, наоборот, наиболее ранний. В.Д. Кубарев отметил, что основная масса алтайских изваяний 4-го типа выполнена точечной техникой на стелах из гранита и гранодиорита, взятых древними тюрками из памятников предшествующего времени, и высказал предположение, что «данный изобразительный канон прежде всего был обусловлен техническими трудностями, связанными с обработкой твердых пород камня, а не с забытой традицией изготовления объемных реалистичных фигур»²⁰. Мы согласны, что подобный тип изображений на стелах (только лицо, и не рельефное, а выполненное плоскостной выбивкой, как петроглифы на скалах) – не столько хронологический признак, сколько технологический. Причем рассмотренные выше особенности изображения лица на стеле из Нижней Соору позволяют указать и на другую «техническую трудность»: если на стелах из твердых пород камня трудоемко было делать рельефом полноценное детализированное изваяние, и мастер ограничивался лишь схематичным плоскостным показом лица (см. например, рис. 9, 5, 6), то на стелах из мягкого слоистого сланца рельефная обработка была совсем невозможна, и даже при плоскостной выбивке получались такие сколы, которые искажали задуманное изображение. Вполне вероятно, что в некоторых случаях мастер бросал начатую работу или стремился свести изображаемое к минимуму. Не исключено, что и стела из Нижней Соору не была законченным произведением.

В этой связи представляет интерес еще один памятник, также из долины Каракола в Центральном Алтае, обнаруженный Е.А. Миклашевич в 1989 г. При осмотре обширного могильного поля с разновременными и разнотипными памятниками, расположенного в 1 км к югу от с. Боочи слева от дороги в с. Куладу, на нескольких стелах были зафиксированы гравированные и выбитые изображения. На одной из стел, установленной в оградке, на западной (широкой) грани удалось заметить вырезанное тонкой гравировкой изображение человеческого лица, верхней части туловища и пояса, выполненное в стилистике тюркских изваяний (рис. 10, 11). Оно имеет плохую сохранность: утрачены многие отслоившиеся с поверхности фрагменты, и сам слой с изображением отходит от основания стелы. Стела из Нижней Соору была выполнена на точно таком же камне и, видимо, процесс ее разрушения был таким же. Интересно, что много лет спустя, в 2013 г., повторное обследование и документирование стелы из Боочи показало, что за прошедший период отслоился и был утрачен фрагмент с изображением левой части лица (ср. рис. 11, 1 и 2). Этот пример не только демонстрирует впечатляющую

¹⁸ Кубарев 1984, 21.

¹⁹ См., например: Грач 1961, 54; Шер 1963, 26.

²⁰ Кубарев 1984, 21, 22.

Рис. 10. Боочи. Стела с гравированным изображением: 1 – общий вид с наложенной на фотографию инвертированной прорисовкой; 2 – увеличенный фрагмент. Фото Л.Л. Бове, 2013 г.

Fig. 10. Boochi. The stele with the engraved image: 1 – general view with overlaid inverted tracing; 2 – enlarged fragment. Photo: L. L. Bove, 2013

динамику деструкции подобных объектов, но и заставляет предположить, что на устанавливаемых в тюркских оградках стелах, в зависимости от породы камня, изображения человеческого лица и фигуры вполне могли наноситься не только рельефом или выбивкой, но также и гравировкой, и даже краской²¹. Наверное, не всегда были важны детализация или долговечность изображения на таких объектах. Этот пример также показывает необходимость более тщательного осмотра стел, на первый взгляд кажущихся пустыми.

²¹ Об использовании краски на средневековых изваяниях см.: Кубарев 1984, 82; Ермоленко, Курманкулов 2002.

Рис. 11. Стела из Боочи: 1 – копия 1989 г.; 2 – копия 2013 г. Прорисовки Е.А. Миклашевич
 Fig. 11. Stele from Boochy: 1 – copy, 1989; 2 – copy, 2013. Tracings: E.A. Miklashevich

Возвращаясь же к теме хронологии стел с изображением только лица, отметим, что многие специалисты считают, что они все-таки характерны для раннего периода истории тюрков и предшествовали более сложным скульптурам, содержащим разнообразные реалии и получившим распространение со второй половины VII в. н.э.²² Датировка раскопанных оградок и иконография первичного изображения на стеле из Нижней Соору также подтверждают это мнение.

Гравированные рисунки, как мы установили, наносились на стелу уже после того, как были выполнены выбивкой детали лица. Причем происходило это в несколько этапов, одни рисунки вырезались прямо поверх других, в результате чего образовалось это сложное переплетение линий, из которого непросто вычленивать отдельные фигуры и тем более определить какие с какими сюжетно связаны. По тем стилистическим и иконографическим признакам, характеру образов и сюжетов, которые удастся рассмотреть, создается впечатление, что большинство фигуративных рисунков, несмотря на некоторые различия, относятся к тюркской эпохе. Им есть многочисленные аналогии в наскальном искусстве Алтая этого

²² Гаврилова 1965, 99–102; Савинов 2005, 239; Горбунов, Тишкин 2013, 97; Серегин, Леонов 2018, 184–185.

периода – в тех сценах, в которых нет такого переплетения линий, а в рисунках ясно различимы детали, позволяющие их датировать (одежда, вооружение, доспех, конская амуниция и т.п., а также повторяющиеся сюжеты и стилистическое сходство с другими видами тюркского искусства). Но возникает закономерный вопрос: как различал новые изображения древний мастер (или зритель) на фоне такого переплетения фигур и линий? Вообще это возможно в том случае, если предыдущие рисунки пробыли какое-то продолжительное время на открытом воздухе и патинизировались. Тогда свежие рисунки отличаются по контрасту светлых линий. Но в данном случае лучник, например, который перекрывает бегущих вправо животных, которые перекрывают животных, ориентированных влево, имеет на одежде (доспехе?) такую же штриховку, как и эти скачущие влево животные, и даже, похоже, целится в них из лука. По всей вероятности, впечатление «мешанины» линий создает более поздний пласт гравировок, к которому относятся беспорядочные резные линии, наверное, некоторые стрелы, и схематичные неопределенные животные. Последним есть аналогии в наскальных рисунках памятника Бичикту-Бом (также в долине Каракола), где они предположительно относятся к позднему средневековью или новому времени (рис. 9, 10). Если предположить, что эти гравировки наносились много позже тюркских и отделить их от последних, то можно увидеть некое подобие первоначальной композиции, в которой фигуры довольно хорошо читаются, несмотря на перекрывания (рис. 8, 1, 6). Сцена с изображениями лучника в доспехах и многочисленных копытных животных, пронзенных стрелами, очевидно передает один из общераспространенных мотивов героической удачной охоты.

В то же время, этот «поздний пласт» не может быть слишком поздним, так как должно было пройти достаточно много времени, чтобы эти рисунки патинизировались, пока стела еще стояла, и потом, после того как она была разбита (или разрушилась), обломки задерживались.

Таким образом, несмотря на то что в нашем распоряжении имеется лишь фрагмент того объекта, который во второй половине VI – первой половине VII в. был установлен в оградке в урочище Нижняя Соору, можно предположительно реконструировать некоторые этапы его «жизни». В процессе сооружения оградки на плоскую сланцевую стелу техникой выбивки было нанесено изображение лица, в соответствии с поминальными ритуалами тюрков. Далее стела использовалась уже, видимо, просто как подходящая для нанесения рисунков поверхность, точно такая же, как поверхности скальных выходов в горах: на ней вырезались сюжетные гравированные рисунки. Этот этап также отражал обычную для тюрков практику. Тонкие резные рисунки (и рунические надписи) наносились в эту эпоху на Алтае не только на горизонтальные и вертикальные скальные выходы, но и на отдельные сланцевые плитки, плиты оградок, стелы и изваяния. В.Д. Кубарев приводит в пример рисунки на плитах оградки из Кара-Дюргуна и обнаруженную им сцену с изображениями лучника, кабана и оленей, один из которых пронзен стрелой (рис. 9, 8), выгравированную «на стеле, замещающей изваяние у оградки» в с. Улаган, а кроме того, считает, что в этом же семантическом ряду находится и знаменитый валун из Кудыргэ²³. В Бийском краеведческом музее экспонируется сланцевая плитка,

²³ Кубарев 1984, 57, рис. 13, 14.

привезенная из долины Каракола, на которой сохранился фрагмент сцены охоты на оленя, где лучник показан в иконографии, весьма близкой к изображению лучника из Нижней Соору (рис. 9, 9). В последующие века, как мы предполагаем, поверх потемневших от времени изящных тюркских гравировок были нанесены более простые рисунки (одна из фигур животных прочерчивалась много раз до получения глубокого желобка), повторены понятные в любую эпоху изображения стрел и процарапаны беспорядочные прямые и извилистые линии. Затем стела была либо намеренно разбита, либо постепенно разрушилась по естественным причинам (учитывая, что в соседних оградках стелы сохранились (рис. 3), предпочтительнее второе предположение). Упавшие фрагменты со временем задерновались; при раскопках было найдено только два из них. Не исключено, что за пределами раскопанной площади могут быть когда-нибудь обнаружены и другие фрагменты, которые дадут исследователям новую информацию об этом интересном объекте.

ЛИТЕРАТУРА

- Васютин, А.С. 1980: *Отчет о результатах разведки археологических памятников в бассейне рек Кокоря и Каракол Кош-Агачского и Онгудайского районов Горно-Алтайской автономной области в 1980 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 8681.
- Васютин, А.С. 1981а: *Отчет о раскопках и разведке древнетюркских оградок в Горном Алтае в 1981 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 8571.
- Васютин, А.С. 1981б: Поиски ритуальных сооружений в Горном Алтае. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Археологические открытия 1980 г.* М., 171.
- Васютин, А.С. 1983а: Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Археологические открытия 1981 г.* М., 192.
- Васютин, А.С. 1983б: Культурные памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв. н.э.): дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кемерово.
- Васютин, А.С. 2009. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая. *ТПАИ* 5, 87–94.
- Васютин, А.С., Елин, В.Н., Илюшин, А.М. 1987: Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая. В сб.: В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков (ред.), *Военное дело древнего населения Северной Азии.* Новосибирск, 107–114.
- Гаврилова, А.А. 1965. *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.* М.–Л.
- Горбунов, В.В., Тишкин, А.А. 2013: Тюркские оградки памятника Яломан-VII (Центральный Алтай). *ТПАИ* 2 (8), 82–99.
- Грач, А.Д. 1961: *Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг.* М.
- Дэвлет, М.А., Теренин, В.С. 1973: О связях в искусстве древних тюрков Центральной Азии. *КСИА* 136, 30–32.
- Ермоленко, Л.Н., Курманкулов, Ж.К. 2002: Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний. *АЭАЕ* 3 (11), 78–87.
- Кирюшин, Ю.Ф., Горбунов, В.В., Степанова, Н.Ф., Тишкин, А.А. 1998: Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI. В сб.: В.И. Соенов (ред.), *Древности Алтая 3.* Горно-Алтайск, 165–175.
- Кубарев, В.Д. 1984: *Древнетюркские изваяния Алтая.* Новосибирск.
- Матренин, С.С., Сарафанов, Д.Е. 2006: Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая. В сб.: В.И. Соенов (ред.), *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири.* Вып. 3–4. Горно-Алтайск, 203–218.

- Миклашевич, Е.А. 2013: К методике документирования наскальных рисунков, выполненных в технике гравировки (на примере композиции памятника Улан-Байтог). *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология* 2, 166–175.
- Миклашевич, Е.А., Бове, Л.Л. 2014: Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования. В сб.: А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко (ред.), *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда*. Т. IV. М.–Казань, 75–79.
- Мухарева, А.Н. 2017: Новые гравированные изображения эпохи енисейских кыргызов на скалах Минусинской котловины: возможности документирования. В сб.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин (ред.), *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе*. Т. III. Барнаул, 126–129.
- Окладников, А.П. 1968: *Лики древнего Амура. Петроглифы Сакачи-Аяна*. Новосибирск.
- Рогожинский, А.Е. 2010: Новые находки древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана. В сб.: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, Л.Е. Масанова (ред.), *Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана* Алматы, 329–344.
- Савинов, Д.Г. 2005: Древнетюркские племена в зеркале археологии. В кн.: С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов (ред.), *Степные империи древней Евразии*. СПб., 180–343.
- Серегин, Н.Н., Васютин, С.А. 2019: Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина. *Поволжская археология* 2 (28), 32–46.
- Серегин, Н.Н., Васютин, С.А. 2020: Тюркские оградки урочища Нижняя Соору: неопубликованная часть комплекса (по материалам раскопок А.С. Васютина). *Народы и религии Евразии* 3, 52–64.
- Серегин, Н., Леонов, А. 2018: Тюркские изваяния из Музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета. *ТПАИ* 1 (21), 180–187.
- Серегин, Н.Н., Шелепова, Е.В. 2015: *Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация*. Барнаул.
- Тишкин, А.А., Горбунов, В.В. 2003: Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М. П. Грязнова). В сб.: В.И. Соенов (ред.), *Древности Алтая* 10. Горно-Алтайск, 107–117.
- Черемисин, Д.В. 2011: О копировании граффити Горного Алтая. В сб.: *Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы*. Т. 2. Кемерово, 175–178. (Труды САИПИ VIII).
- Шер, Я.А. 1966: *Каменные изваяния Семиречья*. М.

REFERENCES

- Cheremisin, D.V. 2011: O kopirovanii graffiti Gornogo Altaya [About copying engravings in the Mountain Altai]. In: *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy* [Rock Art in the Modern Society. To the 290th anniversary of scholarly discovery of Tomskaya Pisanitsa]. Vol. 2. (SAPAR Occasional publication. VIII). Kemerovo, 175–178.
- Devlet, M.A., Terebenin, V.S. 1973: O svyazyakh v iskusstve drevnikh tyurok Tsentral'noy Azii [About connections in the art of Ancient Turks in the Central Asia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 136, 30–32.
- Ermolenko, L.N., Kurmankulov Zh.K. 2002: Svyatilishche na reke Zhinishke i problema pervonachal'nogo vida kypchakskikh izvayaniy [Sanctuary on the river Zhinishke and the problem of initial view of Kipchak statues]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 3 (11), 78–87.

- Gavrilova, A.A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [Kudyrge burial ground as a source for the history of the Altai tribes]. Moscow–Leningrad.
- Gorbunov, V.V., Tishkin, A.A. 2013: Tyurkskie ogradki pamyatnika Yaloman-VII (Tsentral'nyy Altai) [Turkic enclosures of the Yaloman-VII (Central Altai)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research] 2 (8), 82–99.
- Grach, A. D. 1961: *Drevnetyurkskie izvayaniya Tuvy. Po materialam issledovaniy 1953–1960 gg.* [Ancient Turkic statues of Tuva. On materials of research in 1953–1960]. Moscow.
- Kiryushin, Yu.F., Gorbunov, V.V., Stepanova, N.F., Tishkin, A.A. 1998: Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Tytkesken'-VI [Ancient Turkic kurgans of the Tytkesken-VI burial ground]. In: V.I. Soenov (ed.), *Drevnosti Altaya* [Antiquities of the Altai] 3. Gorno-Altaysk, 165–175.
- Kubarev, V.D. 1984: *Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya* [Ancient Turkic statues of the Altai]. Novosibirsk.
- Matrenin, S.S., Sarafanov, D.E. 2006: Klassifikatsiya ogradok tyurkskoy kul'tury Gornogo Altaya [Classification of the enclosures of the Turkic culture in the Mountain Altai]. In: V.I. Soenov (red.), *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri* [Studying the historical and cultural heritage of the Southern Siberia peoples] V. 3–4. Gorno-Altaysk, 203–218.
- Miklashevich, E.A. 2013: K metodike dokumentirovaniya naskal'nykh risunkov, vpolnennykh v tekhnike gravirovki (na primere kompozitsii pamyatnika Ulan-Bajtog) [To the method of documenting engravings in rock art (by the example of Ulan-Baytog rock art site)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology] 2, 166–175.
- Miklashevich, E.A., Bove, L.L. 2014: Gravirovki na skalakh Khakasii: novye tekhnologii dokumentirovaniya [Engravings on the rocks in Khakassia: new documentation technologies]. In: A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevyanko (eds.), *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the IV (XX) Russian Archaeological Congress]. Vol. IV. Moscow–Kazan, 75–79.
- Mukhareva, A.N. 2017: Novye gravirovannye izobrazheniya epokhi eniseyskikh kyrgyzov na skalakh Minusinskoy kotloviny: vozmozhnosti dokumentirovaniya [New engraved images of the Yenisei Kyrgyz Period on the rocks of the Minusinsk Basin: possibilities for documentation]. In: A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin (eds.), *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe* [Proceedings of the V (XXI) Russian Archaeological Congress in Barnaul–Belokurikha]. Vol. III. Barnaul, 126–129.
- Okladnikov, A.P. 1968: *Liki drevnego Amura. Petroglify Sakachi-Alyana* [Faces of the ancient Amur. Petroglyphs of Sakachi-Alyan]. Novosibirsk.
- Rogozhinskiy, A.E. 2010: Novye nakhodki drevnetyurkskoy epigrafiki i monumental'nogo iskusstva na yuge i vostoche Kazakhstana [New finds of Old Turkic epigraphy and monumental art in the South and East of Kazakhstan]. In: I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, L.E. Masanova (eds.), *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediya Kazakhstana* [Role of nomads in formation of the cultural heritage of Kazakhstan]. Almaty, 329–344.
- Savinov, D.G. 2005: Drevnetyurkskie plemena v zerkale arkheologii [Ancient Turkic tribes in a mirror of archeology]. In: S.G. Klyashtornyy, D.G. Savinov. *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. Saint Petersburg, 180–343.
- Seregin, N.N., Vasyutin, S.A. 2019: Tyurkskie “pominal'nye” ob'ekty kompleksa Ust'-Karasu (Tsentral'nyy Altay): po materialam raskopok A.S. Vasyutina [Turkic memorial sites of the Ust-Karasu complex (Central Altai): on materials of A. S. Vasyutin's excavations]. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga Archaeology] 2 (28), 32–46.
- Seregin, N.N., Vasyutin, S.A. 2020: Tyurkskie ogradki urochishcha Nizhnyaya Sooru: neopublikovannaya chast' kompleksa (po materialam raskopok A.S. Vasyutina) [Turkic fences of

- the Nizhnyaya Sooru: unpublished part of the complex (on materials of A. S. Vasyutin's excavations)]. *Narody i religii Evrazii* [The peoples and religions of Eurasia] 3, 52–64.
- Seregin, N., Leonov, A. 2018: Tyurskie izvayaniya iz Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Turkic statues from the Museum of Archaeology and Ethnography of the Altai State University]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research] 1 (21), 180–187.
- Seregin, N.N., Shelepova, E.V. 2015: *Tyurskie ritual'nye komplekсы Altaya (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematizatsiya, analiz, interpretatsiya* [Turkic ritual complexes of the Altai (2nd half of the 1st millennium AD): systematization, analysis, interpretation]. Barnaul.
- Sher, Ya.A. 1966: *Kamennye izvayaniya Semirech'ya* [Stone statues of the Semirechye]. Moscow.
- Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. 2003: Rannetyurskoe pogrebenie na mogil'nike Yakonur (po materialam raskopok M.P. Gryaznova) [Early Turkic burials in the Yakonur Necropolis (on the materials of M. P. Gryaznov's excavations)]. In: V.I. Soenov (ed.), *Drevnosti Altaya* [Antiquities of the Altai] 10. Gorno-Altaysk, 107–117.
- Vasyutin, A.S. 1980: *Otchet o rezul'tatakh razvedki arkheologicheskikh pamyatnikov v basseynakh Kokorya i Karakol Kosh-Agachskogo i Ongudayskogo rayonov Gorno-Altayskoy avtonomnoy oblasti v 1980* [Report on the survey of archaeological sites in the Kokorya and Karakol valleys in Kosh-Agach and Ongudai districts of the Gorno-Altaysk Autonomous Oblast in 1980]. Archive IA RAS. R–1. No. 8681.
- Vasyutin, A.S. 1981a: *Otchet o raskopkakh i razvedke drevnetyurskikh ogradok v Gornom Altae v 1981* [Report on excavations and survey of Ancient Turkic enclosures in the Altai Mountains in 1981]. Archive IA RAS. R–1. No. 8571.
- Vasyutin, A.S. 1981b: Poiski ritual'nykh sooruzheniy v Gornom Altae [The Search for ritual structures in the Altai Mountains]. In: B.A. Rybakov (ed.), *Arkheologicheskie otkrytiya 1980* [Archaeological Discoveries 1980]. Moscow, 171.
- Vasyutin, A. S. 1983a: Issledovaniya drevnetyurskikh ogradok v Gornom Altae [Investigations of the Ancient Turkic enclosures in the Mountain Altai]. In: B.A. Rybakov (ed.), *Arkheologicheskie otkrytiya 1981* [Archaeological Discoveries 1981]. Moscow, 192.
- Vasyutin, A.S. 1983b: *Kul'tovye pamyatniki drevnikh tyurok Gornogo Altaya (VII–X vv. n.e.): diss. na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Cult Sites of the Ancient Turks in the Altai Mountains (7th to 10th centuries AD). PhD Thesis]. Kemerovo.
- Vasyutin, A.S. 2009. Tyurskie ogradki Ker-Kechu i Nizhnego Soru Tsentral'nogo Altaya [The Turkic enclosures of Ker-Kechu and Nizhnyaya Soru in the Central Altai]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research] 5, 87–94.
- Vasyutin, A.S., Elin, V.N., Ilyushin, A.M. 1987: Novye nakhodki predmetov vooruzheniya v drevnetyurskikh ogradkakh Gornogo Altaya [New finds of weapons in the Ancient Turkic enclosures of the Mountain Altai]. In: V.E. Medvedev, Yu. S. Khudyakov (eds.), *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Military science of the ancient population in the Northern Asia]. Novosibirsk, 107–114.

IMAGES ON A STELE FROM THE NIZHNYAYA SOORU RITUAL COMPLEX
(MOUNTAINOUS ALTAI)Anna N. Mukhareva¹, Elena A. Miklashevich², Nikolay N. Seregin³

¹ *Kemerovo State University; Kuzbass Museum-Reserve of "Tomskaya Pisanitsa";
Kemerovo, Russia*
mukhareva@mail.ru

² *Kuzbass Museum-Reserve of "Tomskaya Pisanitsa", Kemerovo; Institute of Archaeology
RAS, Moscow, Russia*
elena-miklashevich@yandex.ru

³ *Altai State University, Barnaul, Russia*
nikolay-seregin@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the publication and cultural and chronological interpretation of images on a fragment of a stele which was a part of the Nizhnyaya Sooru funerary-memorial complex in the Central Altai. The object was discovered in 1981 during the excavations of Turkic enclosures by a group from the South Siberian archaeological expedition of the Kemerovo State University lead by A.S. Vasyutin. The decorated fragment and other finds were transferred into the storage of the museum of the Kemerovo State University's Archeology Department. At that time, interpretation of imagery on the stele was complicated due to the technical difficulties of copying the fine interlacing engraved lines which as a net covered the whole surface of the small fragment. For the same reason the object remained unpublished. The authors describe a modern technique for documenting fine engravings in rock art, the application of which resulted in a digital multilayer graphic copy (tracing) of the stele fragment. Studying the pecked and engraved figures made it possible to establish the sequence in which they were applied. Initially a human face (only mustache and mouth are preserved) was rendered in a pecking technique and in the stylistics of Turkic sculptures, and the stele was installed in the enclosure. An analysis of the structural features of the constructions as well as the few items of inventory recorded during the excavation allows to date the enclosures of the Nizhnyaya Sooru complex to the Kudyrgha stage of the culture of the Early Medieval Turks (second half of the 6th to the first half of the 7th century AD). Respectively, the initial image on the stele dates to that time. Later the stele had been in use just as a rock surface, convenient for rendering images. In the same (Turkic) period images of an archer, animals and arrows, partly overlapping each other, were engraved on it in a distinctive style. Presumably somewhere in the Late Medieval – New Age the patinated Turkic engravings were overlaid with more primitive images of animals, arrows and numerous scratched random lines. The stele was then either deliberately broken, or destroyed by natural causes. By the time of the excavation, the fragments had silted up and only two of them were found. The paper publishes materials from the expedition by A. S. Vasyutin in 1981, modern photographs and tracings of the object, as well as analogies to the images revealed on the stele.

Keywords: Nizhnyaya Sooru, Altai, Early Middle Ages, Turks, enclosure, stele, petroglyphs, engravings
